

#

Щепотка соли

Виктор Болгов

#юмор

18+

Виктор Болгов

Щепотка соли

«Издательство «Союз писателей»

2017

УДК 82-32
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Болгов В. Е.

Щепотка соли / В. Е. Болгов — «Издательство «Союз писателей»,
2017

ISBN 978-5-00073-782-8

Кто сказал, что в обычной жизни все больше драмы, да мало смеха? А если посмотреть на нее сквозь призму неубиваемого оптимизма, издревле присущего простому русскому человеку? Вместе с героями рассказов Виктора Болгова, которые вошли в сборник «Щепотка соли», можно поверить в возможность невозможного, овладеть новыми навыками, дать собственную трактовку историческим событиям, посетить баню (а это само по себе всегда приключение), пообщаться с друзьями и родственниками (что иногда можно приравнять к подвигу), попасть в пару уморительных переделок (куда же без них), понять, почувствовать и принять историю последнего столетия (что бы там не писали в учебниках и не говорили в новостях) и реальность третьего тысячелетия (да, да, весьма забавную, если разобраться). Осталось только вдохнуть поглубже, морально подготовиться к продолжительному приступу смеха и открыть первую страницу сборника, написанного о людях и для людей. Ну что, поехали?

УДК 82-32
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-782-8

© Болгов В. Е., 2017
© «Издательство «Союз
писателей», 2017

Содержание

Розыск	6
Внимание!	6
Предупреждение	7
Приметы	8
Досье о том, что при мне было с 1948-го по 2000-енный год	9
Школьная «Камчатка»	14
Рассказы о дядьке Михее	15
Михей Культяпкин	15
Как дядька Михей революцию отменил	17
Как дядька Михей с племянником за водкой ходил	19
Как дядька Михей в женскую баню ходил	21
Как дядька Михей к покойникам в гости ходил и одного ребра лишился	25
Как дядька Михей вставную челюсть проглотил	28
Утрата	28
Ужас и страдания Михея	28
Шоковая терапия	29
Разнополюсные	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Виктор Евгеньевич Болгов

Щепотка соли

© Болгов В. Е., 2017

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2017

Розыск

Внимание!

Ответственными Карающими Органами Цензуры и Критики (ОКО ЦиК) разыскивается злостный неисправимый графоман, который самовольно и преступно, не имея на то направляющего и руководящего соизволения высшего начальства, а также без заверенного всеми печатями документа, нагло выдаёт себя за поэта и даже, где-то там, писателя, имеющего на всё свои подозрительные виды.

Предупреждение

Преступник вооружён острым пером и крайне опасен заряженными остротами бомбами в виде книг: «Виды», «Виды на жизнь», «Эх, спою я вам частушки!», «Давние годы» и смеховзрывчатой книгой под кодовым названием «Щепотка соли».

Приметы

Вид нарушителя суховатый, взгляд хитроватый. Часто заговаривается в рифму. Иногда носит шляпу и к ней усы.

Неоднократно был замечен под видом актёра на сцене народного театра.

Он также коварно прикидывается художником и фотографом.

Скрывается под кличками (псевдонимами): Виктор Вьюга, Коловрат Крапива, Евгения-дид Ясь, Нил Оглоблин, Правдолюб Резаный, Болговенко-Коленчук, Болгов-Железногорский и другими, пока не установленными, преступными прозвищами-именами.

Досье о том, что при мне было с 1948-го по 2000-энный год

(Перечень «преступной» деятельности)

Место рождения и местожительство – г. Красноярск, Затон, барак на станции Злобино. 1948 г.р. Это было послевоенное, то ещё, «сталинское время», когда народ недоедал, но страна строилась, залечивая послевоенные раны, поднималась из руин.

Семья наша была бедна, как множество других семей, но богата детьми. Отец, Болгов Евгений Степанович, 1919 г. р. Мать, Надежда Романовна Болгова (Коленчукова), 1924 г. р. И мы – четверо их детей, а именно – три брата: Виктор (то бишь я), Николай, Анатолий и сестра Валентина.

Был ещё один брат, старше меня на два года, но умер в младенчестве. Тяжело болел и я и вполне мог бы умереть, но то ли ангел-хранитель помог, то ли сам Господь решил, чтобы мне, непутёвому, все прелести и гадости земной жизни на себе испытать. Живу пока, радуюсь жизни, несмотря на то, что ко мне она была не всегда ласкова. Родителям я стал помогать в их повседневных домашних делах, наверно, лет с пяти-шести, до этого всё болел. В Злобино и в Тартате, где мы жили, помогал собирать на насыпи железной дороги рассыпанный из вагонов уголь для растопки печки-«буржуйки»; окрепнув; валил с отцом сухие сосны, пилили с ним их на чурки и кололи. Сажали и копали картошку. Отец мой, жилистый мужик, прошедший всю войну от Москвы до Кенигсберга, работал, как ломовая лошадь. Я старался, по мере своих слабых сил, не отставать.

Родители каждое лето отвозили меня в родовую деревню моей матушки Марынку, что в Козульском районе, на покос. Я там и косил, и метал, и копны возил на кобыле без седла и уздечки, и мёд с дедом Романом качал. У деда была небольшая приусадебная пасека. И землю в огороде пахал сохой, погоняя лошадь. И за ягодой «синикой» (жимолюстью) в тайгу ходил. Есть что вспомнить.

Помню тот день, когда умер «вождь народов» И. В. Сталин. Но это было, когда наша семья переехала, вначале в землянку в п. Тартат и затем в строящийся атомный Соцгород Красноярск-26 (ныне Железногорск), в двухэтажный, показавшийся сказочным, оштукатуренный и покрашенный дом из бруса по ул. Школьная-14.

Моя мама, Надежда Романовна Болгова, 1924 г. р. (из крестьян-переселенцев Белоруссии, урождённая Коленчук), плакала вместе с другими женщинами: «Что теперь будет?! Как жить?..»

Отец же, Болгов Евгений Степанович (1919 г. р.) из сибирского села (станции) Тинская Саянского района Красноярского края, прошедший всю войну рядовым от Москвы до Кенигсберга и устроившийся работать вначале обходчиком железнодорожных путей, а годом позже на «Ворошиловский завод» (Красмаш) стропальщиком-такелажником, только желваками водил: «Переживём!.. Другие вожди будут».

И пережили, вожди друг друга меняли. После Сталина был «кукурузник»-волонтарист Никита Хрущёв с его «оттепелью», потом бровастый Леонид Брежнев с его «застольным застоём», за ним Юрий Андропов с «дисциплинарными зажимами», Константин Черненко с «несостоявшейся реанимацией сталинских порядков», меченый Михаил Горбачёв с «плюрализмом, новым мышлением и перестроечной переломкой всего и вся», за ним узурпатор власти, куцепалый алкаш Борис Ельцин – автор развала СССР, передавший власть низкорослому кэгэбисту Владимиру Путину в тандеме с таким же низкоросликом, наивным Дмитрием Медведевым...

И мы, простые люди, жили при всех «воздях-генсеках-президентах», без преувеличения, всё лучше: вначале в бараке, землянке, потом в двухэтажке по улице Школьная, а из неё переехали в пятиэтажный дом-«хрущёбу», где жили по улице Андреева, 29 аж на 4-м этаже с чудесным балконом во двор... Место нынешнего моего проживания – Красноярский край, г. Железнодорожск, однокомнатная квартира на 8-м этаже в девятиэтажном доме на проспекте академика Курчатова. Этажность растёт, а жизнь, увы, длинней не становится. Но многое в ней, в не очень длинной моей жизни, было весьма интересным.

Интересно было в школе, в ГПТУ, на работе авторемонтником.

Потом интересно было в армии. Мне всегда было интересно жить. И не понимаю: как другие устают от жизни?!

Ну разве не интересно уже то, что местом моей военной службы стала далёкая Камчатка. Не зря, нет, не зря класная говорила мне, сидящему на последней в классе парте, прозываемой всегда, во всех школах, «Камчаткой»: «Ох, Болгов, где ты витаешь – быть тебе на Камчатке». Как в воду глядела.

Так или не так, но я угодил служить именно на дальневосточный полуостров Камчатка. Служил два года рядовым в ракетных войсках, скитаясь в основном по военным командировкам. Облетал на вертолётах и самолётах всю Камчатку. После демобилизации продолжил работу и учёбу. Окончил КПТ (Красноярский промышленный техникум). Образование – так себе, то есть средне-техническое, не считая школьной десятилетки и ГПТУ.

Мои достижения, если это можно так назвать, – в другом, а именно в том, что я женился, родился сын. Сын Михаил, 1980 года рождения – инженер, специалист-патентовед, автор около 10 изобретений. В школе учился очень хорошо, а в техникуме и институте – ещё лучше. У него два красных диплома.

Стыдно о своей учёбе вспоминать. Но коли взялся – всё начистоту.

По обязательным предметам, таким как математика, физика, химия, я учился, откровенно говоря, плохо, особенно по математике. Часто попросту прогуливал уроки, как неинтересные и тягостные. И вот что любопытно: объяснение учителя схватывал на ходу, спроси он – тут же слово в слово повторю всю математическую задачу, но проходит неделя-другая – и... куда что девалось.

Зато у меня отлично или гуманитарные предметы. Все сказки Пушкина знал наизусть, и «Мцыри» Лермонтова, и многое другое. По географии мог назвать все страны и столицы мира с прилегающими к ним городами, островами и пр. По истории – все битвы давно прошедших эпох. Много читал и мечтал.

Мечты меня уводили куда-то далеко-далеко, в бескрайние океаны странствий. Видимо, по этой причине я впоследствии оказался на Камчатке, побывал в разных странах, о которых писал в школьных сочинениях. Надо заметить, тогда – более чем полвека назад – я на пятёрки писал школьные сочинения, но подводило правописание. Грамматические ошибки в написании диктантов сдерживали мои тогдашние детские писательские амбиции и мечты – некогда стать знаменитым на весь мир писателем. И что мы имеем в настоящее время?

На момент написания этого саморазоблачительного текста я всего лишь кандидат в члены ИСП (Интернационального Союза писателей). Помнится, был я в октябрятах, пионерах, в комсомольцах и даже в партийцах... Нигде так долго кандидатский срок не тянулся. Хотя, как говорится, пусть я далеко не юноша, но «надежды юношей питают». Может, к концу жизни «выйду в люди».

Спасибо учителям, что вряд ли доживут и дотерпят этот мой конечный (или бесконечный?) выход «в люди».

Кстати, о моих хобби или попытках что-то творить своими руками и мыслями: моё творчество началось с увлечения рисованием и поступления в изостудию при ДК, где препода-

вал заслуженный художник Молдавии В. Марков. В школе же у меня был учителем по рисованию ещё более известный художник, впоследствии ставший академиком живописи В. Иванов.

Прошло много лет. Писательская деятельность переборола увлечение рисованием. И, как я уже – говорил, меня приняли в писательский союз, а пока до этого дошло, я успел издать за свой счёт мизерными тиражами несколько книг, которые тут же раздарил и раздал по городским библиотекам, – и что? И поныне, спустя десятки лет, прозябаю в «молодых, начинающих». Не далеко же я ушёл вперёд по зову своей детской мечты! Но именно в те бесшабашные школьные годы я, как бы играючи, увлёкся сочинением стихов и рассказов о приключениях, в коих ловил с друзьями шпионов или открывал в закоулках нашего двора потайные ходы в иные миры... Жаль, что из тех моих первоначальных литературных опытов ничего не сохранилось.

Но тяга к знаниям, стремление к свету не угасли до сих пор с того моего молодого задорного и бесшабашного времени, когда я после службы в армии продолжил учёбу в вечерней школе и техникуме. Работал слесарем-испытателем, старшим техником в космической фирме М. Ф. Решетнёва, подрабатывал сторожем, грузчиком, художником-оформителем... Потом два года работал мастером производственного обучения. В то же время стал посещать литобъединение «Октябрь», которое курировал известный сибирский писатель А. И. Чмыхало. Руководителями были П. Гец, Е. Пазников, А. Сныткин, Ш. Кавтараивили, Н. Филимонов. Литературное объединение стояло на основах соцреализма, маститые «октябристы» были слишком требовательны к тому, что пишут другие, по их мнению, «начинающие», но сами читали мало. Надо отдать должное: кроме того, что встречали продуктовыми дарами куратора лито А. И. Чмыхало и без конца судачили о грядущей публикации в альманахе «Енисей», создали и регулярно вели рукописный журнал «Октябрёнок», в который вошли и некоторые мои первые, ещё слабые стихи. Обложку одного «Октябрёнка» я даже зарисовал масляными красками, изобразив на ней городскую центральную площадь Ленина, и нарисовал несколько шаржей пером. Увы, никто не вечен под луной, ничто не вечно. После смерти нашего всеми уважаемого куратора А. И. Чмыхало лито «Октябрь» задохнулось. Пришедшая молодёжь создала свою группу «Мост», старые формы изжили себя и, лито «Октябрь» прекратило своё существование.

После распада «Октября» и выезда из города лидера пишущей молодёжи С. Князева недолго продержался и «Мост».

Но, как говорится, «свято место пусто не бывает», на развалинах лито «Октябрь» и группы «Мост» создалось (в основном усилиями поэтессы Л. П. Иртеговой) лито «Танит». Я поначалу принял активное участие в создании «Танита». Руководитель (президент) Л. Иртегова умело завлекала к себе новые кадры. Новизна оказалась выражена частью амбициозно настроенными талантиками, с сырой идейной платформой, а то и откровенно не здоровой, точно название «Танит» (луна) притягивало в лито психически больных людей. Из-за чего я перестал посещать это объединение. И оно также распалось.

Но зато в Красноярске литературная жизнь была ключом и не могла не манить к себе провинциалов. Вся ещё не совсем распавшаяся группа «Мост», со мной в том числе, посещала лито «Дебют», руководимое писателем чеховского направления Эдуардом Русаковым. Тогда же я шапочно познакомился с рядом красноярских поэтов и прозаиков (В. Астафьевым, Р. Солнцевым, З. Яхниным, В. Белкиным, Т. Ряннелем, Г. Арутиняном, М. Успенским, А. Фёдоровой, Астраханским, Зябревым... позднее с Буиковым, Третьяковым, Ермаковым, Тарковским... более близкие отношения завязались с Э. Русаковым, Н. Ерёминым, Кузичкиным, Савиных, Стрельцовым, Елтышевым, Карапетяном, Ахадовым и другими)...

В Железногорске я вступил в литературный клуб «Бибимго», так как куда-то хотелось идти со своим внутренним миром. Группа же «Мост», руководимая некоторое время Сергеем Князевым, не совсем соответствовала моему пониманию товарищества. Тем не менее,

«Мост» оставил после себя памятный след, выпустив, по инициативе Е. Чупрова, три номера литературного журнальчика под названием «Бредень». В один из «Бредней» попало и моё небольшое стихотворение.

После краха СССР и горбачёвской «перестройки» наш «рупор свободы», со странным названием «Бредень», изорвали коряги безденежья, и вскоре лит-процесс свёлся к рекламной газетке «Девятка», где иногда члены бывшего «Моста» печатали свои короткие стихи. Серость безденежного быта разбавляли туристические походы, в коих принимал участие и я, тогда сорокалетний, несколько более старший по возрасту, чем мои тридцатилетние, молодые тогда друзья.

Запомнился первый с ними сплав по реке Мана на связанных бревенчатых плотках и особенно поход в Саяны, на горный хребет Ергаки. А ещё был поход в степной Алтай, когда я вступил во Всесоюзное общество астрономов и геологов «ВАГО». Мне повезло участвовать в научной экспедиции по поиску «марковского метеоритного дождя» в районе двух алтайских деревень: Марковка и Полуямки.

Мы очень старались. Даже миноискатели с собой прихватили. Но метеориты нашли не мы, а «мобилизованные» для поисков школьники Марковской средней школы. За что им была выражена большая благодарность от руководителей «научно-исследовательской экспедиции» В. Чеботарёва и С. Котельникова.

Так вот, после той экспедиции я к каждому придорожному камешку приглядываюсь – а вдруг?! Как был в детстве мечтателем, так мечтателем и остался до преклонных лет.

Увлечение туризмом подарило мне дальние путешествия по Средней Азии, Турции, Таиланду, Китаю, Украине, Северному Кавказу... Впечатлений от поездок скопилось множество!

Постепенно пошла проза, драматургия, продолжил самостоятельно заниматься живописью и графикой, затем и этого показалось мало – потянуло в артисты. С 1973 года я уже актёр народного театра. Режиссёры – В. Петров, З. Жильцова, Арянова, Молодов, Кожушкин, Аксёнова-Залесская, Полянская, Годанов. играл Петра Первого, Дон Кихота, Орфея, Эндрю Эгьючика, Дюлу, Хирина, Маргаритова, Дергунова, Уищцу, тюремщика, Отелло, Кассия, короля Людовика, царя-батюшку, князя Дулебова, матроса с крейсера «Аврора», Христолюбова, Ловейку, Блина-2, падишаха, ангела, злоумышленника, Д'Артаньяна, поручика Ржевского, Остапа Бендера, милиционера, дворника, пассажира, пьяного повара, Ивана-дурака, Зиму, черепаху Тортиллу, модель, бабу, Апоку Липсиса и даже коня и воробья... Видимо, неплохо играл, раз стал лауреатом 2-го Всесоюзного фестиваля народного творчества.

И это несмотря на сложные, называемые «дикими» девяностые годы, когда ради куска хлеба пришлось поработать маляром на автоприцепном заводе, дворником, сборщиком мебели, грузчиком в магазине, пока не устроился экспедитором в энергоуправление, откуда перешёл в тепловики и, выработав стаж, получил звание ветерана предприятия, города, атомной промышленности, ветерана края и всей матушки России! Чуть ли не полный «орденосный кавалер»...

Ну да ладно об этом, вернёмся к стихам, что не приносили, как ваучеры, никаких дивидендов, а просто автоматически писались и тупо складывались в ящик стола, в папки, мешки, шкафы... Не писать, бросить литературу я уже не мог и не хотел. Как начал, так и продолжаю.

Хотя стихи я стал писать позже, чем рисовать, но когда втянулся в этот подобный заразной эпидемии процесс, то заразился, и уже меня не вылечить и не остановить! До того поднаторел в этом своём графоманстве, что несколько более-менее удачных стихотворений были даже опубликованы в нескольких коллективных сборниках Красноярска и Железногорска, в краевых альманахах «Енисей», «Огни Сибири», «НЭЛ» («Новый Енисейский Литератор»), в московских альманахах «Российский колокол», «Атланты». И это не считая менее значимых газетных публикаций. Не бесплатно, конечно, – за деньги публиковался и без всяких спонсоров.

За много лет борзописного творчества я так и не научился просить, кланяться... И до сих пор стыжусь. Язык не поворачивается просить.

Тем не менее, подтянув ремешок, скопил за счёт života своего энные суммы для изданий, публикаций и участия в некоторых литературных «международных» конкурсах. Не международные стали непрестижные. Этих «международных выпендрёжников» стало так много, что физически участвовать во всех них невозможно, – ни времени, ни денег не хватает. Да и побеждают в них чаще всего сами же организаторы конкурсов и их ближайшее окружение. Но в десятку сильнейших я попадаю!.. А это, если отбросить бластных, уж нечего-то стоит!

О моём творчестве узнали в крае... Появились первые одобрителные отзывы, ласкающие авторское самолюбие. Ну, думаю, – началось!.. И вдруг по городу Железногорску прошла новость о моей якобы смерти. Уф, как это нелепо и странно! Но, как вы понимаете, произошла ошибка, перепутали «молодого и начинающего» Виктора Болгова с умершим в Пскове Виктором Боковым. Приняли за со старейшего, маститого и прославленного советского поэта-деревенщика.

Даже наш главный, признанный поэт, возвращающийся в высших литературных кругах края, М. Мельниченко обеспокоенно позвонил мне на квартиру, видимо, чтобы узнать подробности смерти и когда похороны. А услышав мой голос в трубке: «Але, я слушаю вас?» – вздрогнул и нерешительно спросил: «Витя, это ты?!» Я ответил: «Да, я, а что, голос не узнаёшь?!» – «Уф!.. – раздалось облегчённое Мишкино выдыхание воздуха из скорбной поэтической груди. – А мы думали, это ты умер! В городе паника. По радио передали... Интересуются, когда отпевание, – ты ведь верующий. А это, оказывается, другой представился. Сейчас обзвоню всех, чтобы не волновались». Что я мог на это ответить? Только хохотнул и пробормотал нечто вроде: «Не дождётесь!»

М-да, однако есть в городе неравнодушные к моей скромной персоне. Может, я слишком скромно и предвзято к себе отношусь, раз так забеспокоились?! Чего не бывает. Узнали, что умер не я, порадовались – и забыли, как нелепый анекдот. Но после этой мнимой смерти я точно заново родился. И активизировался. Может, благодаря этому стал автором трёх поэтических книг и одной прозаической, куда вошли роман «Давние годы», повести и рассказы на сибирскую тему. О чём не сожалею! Быть живым куда как приятней, чем мёртвым!

Поскольку я слишком податлив на уговоры, то почти охотно давал согласие на различные «творческие нагрузки»: был в центральной детской библиотеке имени А. Гайдара одним из организаторов и ведущим детско-юношеской поэтической студии «Стихия». Как ни упирался, но был избран, так скажем, ведущим литературного клуба «Вдохновение». Слово «Президент клуба» мне не нравится. В России должен быть один президент, и это, скорее всего, не я.

Скромность скромностью, но мои небольшие драматургические сценки ставились в местном народном театре ТЭМП (Театр эстрадных миниатюр и пародий, режиссёр А. Годанов) и в литературном клубе «Бибимго» (аббревиатура от «библиотека имени Горького») – руководитель клуба (президент) С. Проценко. И хотя, вдобавок ко всему вышесказанному, я стал лауреатом двух или трёх краевых и международных конкурсов («Серебряный стрелец» – в малой прозе и «Литературная галактика») и ещё какого-то, забыл название, в номинациях «Современная сказки» и «Фантастика», – но пока не забронзовел и музейной пылью не покрывлся. Чего и всем желаю.

С СИБИРСКИМ ТЕПЛОМ

Виктор Болгов

Школьная «Камчатка»

С ноября 1970-го по ноябрь 1972-го года служил я в Советской Армии, на самом-самом Дальнем Востоке – образно говоря, на краю света. А именно – на полуострове Камчатка.

Мистика ли присутствует в этом факте моей биографии, или случайное совпадение, но, будучи ещё школьником, я всегда старался попасть на самую последнюю парту, в дальнем углу класса, что ближе к окну. Окон в классах нашей городской школы было много – большие, светлые. И последнее окно как раз находилось напротив последней парты. Так вот, во все времена, во всех школах и школьных классах последняя парта именовалась «Камчатка». Наверное, с начала открытия русскими мореплавателями богатой вулканами земли, прикрепились это географическое название и к самой дальней в классе парте. Обычно «на Камчатке» сидели не очень успевающие по обязательным школьным предметам ученики, к коим я тогда относился. Отличники и хорошисты почему-то предпочитали сидеть впереди, ближе к учителю. Я – нет. Но были у меня и любимые предметы: география, история, ботаника, рисование, зоология, литература... Учебники по этим предметам я ещё до школы перечитал от корки до корки. Ныне в продвинутых учебных заведениях школьников делят по их склонностям: на «физиков» и «лириков». Одним легче даются точные, «сухие» предметы, к которым я относил в свои юные годы математику. А другим – отвлечённые, гуманитарные. Тогда же, в послевоенные годы, строгие учителя на разность мышления не смотрели – учили всех одинаково. Результат от такой учёбы был, увы, не в мою пользу.

Вдобавок я был большим мечтателем. Любил рассматривать географические карты и как бы путешествовать по ним. Я заучивал наизусть многочисленные названия рек, гор, стран и населённых пунктов, соединял на картах реки каналами и протягивал через всю страну новые железные дороги. Однажды, рассматривая очертания материков, сам догадался их соединить, а соединив, пришёл к выводу, что когда-то материки составляли одно целое. И только гораздо позже прочёл в научно-популярном журнале гипотезу учёных о том же самом, что я открыл, будучи школьником. Сидя «на Камчатке», я мечтал о настоящих открытиях «белых пятен» на Земле. И так, сидя у классного окна, в мечтах уносился я в такие дальние дали, что, когда меня окликала учительница, – не сразу приходил в себя.

– Ох, Болгов! – в сердцах отчитывала меня училка. – Быть тебе на Камчатке!..

А я и не возражал! На Камчатке интересно, там есть огнедышащие вулканы и Тихий океан. Там загадочный мир, которого здесь, рядом, не увидишь!

Воображая себя на Камчатке, я рисовал корабли под парусами и почему-то ещё пиратов.

Рассказы о дядьке Михее

Михей Культяпкин

Когда Мишке Михееву, которого родственники, друзья и все кому ни лень звали просто Михеем, было примерно 20 лет, он поступил на работу на «Красмаш» ранее Ворошиловский завод, слесарем по ремонту промышленного оборудования. Жил он в рабочем общежитии, что находилось за улицей Красноярский рабочий. Примерно километрах в двух, если идти от кино-театра «Родина». Там, за железной дорогой, тогда ещё в барачном посёлке Злобино, и обитал Михей. Деревянные чёрные бараки доживали свои последние дни. Многие из них уже снесли. Вместо снесённых бараков возводились пятиэтажные панельные дома, «хрущобы». В одной из таких «хрущоб» и было красмашевское рабочее общежитие. В общаге Михей сдружился с нормальными ребятами – походниками. «Походники» – это не какие-нибудь обезбашенные забулдыги, а бери на порядок выше: люди сплошь творческие, даже в вышеупомянутой выпивке. На Манском или ином водном сплаве, в Саянах ли у горного озера или водопада, выпивка была вроде обычной и в то же время какой-то более приятной, содержательной, нежели бы Михей пил с другими людьми, в другом месте и при других обстоятельствах.

Каждый выходной ходил Михей со своими дружками-походниками в заповедник Столбы. Все высоченные скалы-столбики облазал с ними. Избу свою на диких столбах срубили и года три в неё ходили зимой и летом, пока лесники по указанию свыше все таёжные избы в заповеднике не спалили. У общежитских ребят Михей и на гитаре научился играть. А ещё пристрастился в пещеры ходить со спелеологами – теми же парнями из общежития. Мечта у Михея была – отыскать самую большую, самую протяжённую в мире подземную пещеру. Но все, в каких он побывал, были ещё до него изучены и пройдены другими. Правда, попадались заваленные камнями неразведанные лазы-ходки, так называемые «калибры». Куда они шли и как далеко уходили, было неизвестно. Но пойдя попробуй, очисти тысячетонные завалы! Тогда и задумал Михей втайне от дружков пробить завалы с помощью взрывчатки. Нашёл на задворках заброшенный сарай, где и начал проводить химические опыты по созданию взрывчатых веществ. Но не успел воспользоваться достигнутым в знании взрывных работ. Не очистил от камней с помощью направленного взрыва ни один из заваленных ходков-калибров, не открыл, таким образом, самой протяжённой в мире пещеры. Взорвался небольшой заряд прямо в его руках. Заряд-то был малюсенький, однако оставил Михея без двух пальцев на правой руке. Особенно жаль было указательный палец: ни будущей жене Клаве, с которой в Красноярске в общежитских танцах-обжиманцах сблизился, нечем погрозить, ни в носу поковыряться наполовину укороченным пальцем-культяпкой.

Тогда дружки в шутку и прозвали его Михеем Культяпкиным.

Михей не обижался и сам даже подшучивал над этим своим неудавшимся взрывным делом, от которого он тогда же напрочь отказался. Одно удручало – нехватка пальцев, на гитаре пришлось переучиваться играть. Но овладел и бацал на струнах песню о Марусе не хуже прежнего. Но работу ему пришлось поменять и город покинуть. Уехал Михей с молодой женой в свой посёлок к родителям – суженую показать; там и устроился в строительной организации рабочим. Зарплата повыше и домашнюю еду не сравнишь с общежитской столовой. Прожил Михей с Зиной в посёлке лет пять, может, и дальше бы там жили. Но стеснённое житьё с родителями в одном небольшом поселковом домишке всё же утомляло. Мелких столкновений на бытовом уровне не избежать. Хорошо ещё до крупных скандалов и взаимных оскорблений дело не дошло. И тут вдруг пришло известие из Красноярска о гибели Зининых родителей в автокатастрофе. Частный дом в Николаевке, где жили её родители, опустел. И, что греха таить,

очень даже кстати. Вселились в опустевший дом Михей с Зиной и зажили в нём вполне пристойно и спокойно. Жаль только, детишек не нажили. Научился Михей в то время сапожному мастерству, складным остро отточенным сапожным ножиком ловко владел, даром что половина двух главных пальцев нет. Для упражнения всегда носил складничок и постоянно им строгал им какую-нибудь фиговину из подвернувшейся деревяшки. Или вертел так и сяк, как заправский циркач, в своих пострадавших от глупого взрыва пальцах.

Однажды этот ножичек его сильно выручил, поздним вечером, аккуратно за кинотеатром «Родина», после последнего сеанса направлялся Михей домой и столкнулся с группой из шести неизвестных ему подвыпивших парней. – «Эй, мужик, стой! – окликнул Михея один из парней. – Закурить не найдётся?» Михей сроду не употреблял табак, был некурящим. Так и ответил: «Извините, ребята, не курю».

Этот ответ, как, возможно, и любой другой, скажи он им тогда, не понравился подда-тым придуркам, желающим от безделья и хулиганского хорохорства друг перед другом покуражиться над первым встречным. Тут им что старый, что малый, что женщина, что старушка, – не попадайся. Или запинаят до полусмерти, или поиздеваются вдоволь, хохоча и выдумывая разные издевательские словечки. Сколько на них люди в милицию ни жаловались, с них всё как с гуся вода. Подержат в отделении с час и отпустят за недоказанностью преступления. То ли блатные какие, то ли так везло. И свидетелей, как обычно, днём с огнём не сыщешь. Боялись их люди сильно. Пока не попался на пути особенный случайный встречный, не убоавшийся. Таким первым встречным оказался Михей.

Шесть долговязых местных идиотов считали себя королями всей вокруг лежащей территории и всячески старались демонстрировать это своё значение. Ни слова более не говоря, они обступили Михея со всех сторон, чтобы тот не смог убежать, сбили с ног на мокрый после дождя асфальт и стали сосредоточенно, точно делая какую-то важную и нужную работу, пинать. Михей завертелся под их ногами, как угорь, стараясь уберечь лицо и живот. Его обубяла не то что злость, а жажда наказать зарвавшихся хулиганов. Незаметно вынув из кармана свой складной ножичек, он быстро раскрыл его и, крутясь под бьющими его ногами, начал наносить острым, как жало осы, ножичком колющие порезы. Там уколёт, тут полоснёт, да так, чтобы и связочки задеть на икрах. Да так ловко и быстро он это проделал, что через пару минут все шестеро отморозков катались, завывая и охая, на мокром асфальте уже под его, Михея, ногами. А Михей встал, отряхнулся, как ни в чём не бывало, – и нырнул в тёмный двор, от греха подальше, только его и видели.

Как дядька Михей революцию отменил

Как-то в 1977 году, как раз в канун Великой Октябрьской социалистической революции, или же в 1978 году, после круглой годовщины, в Красноярске давал концерт популярный в те годы вокально-инструментальный ансамбль (ВИА) «Голубые гитары». Концерт проходил в недавно построенном новом зале филармонии. Народа в зал набилось битком! Балкон, по-старорежимному – галёрка, – гудел, как подвешенный к люстре улей гигантских пчёл. В общем весёлом шуме людских голосов шуршали программки концерта и хрустели разворачиваемые обёртки советского мороженого, что продавалось в вафельных стаканчиках. По случаю выхода в филармонию красноярцы, и особенно красноярки, оделись по-праздничному, достав из своих шифоньеров то, что хранилось от праздника к празднику. В театральной, то бишь филармонической, ложе деловито рассаживалось всё красноярское градоначальство.

На боковом балкончике, прилепленном к стене, сидели представители филармонии: директор, хударук с жёнами и несколько приближённых лиц. Люди сплошь образованные, культурные... но и привычные к тесноте. К тому же, безбилетники. Все лучшие места были отданы по пригласительным билетам высшему руководству, самим же руководящим деятелям высокого филармонического искусства не до особых удобств. Спасибо и на том, что в стороне от галёрки дополнительное место есть для осветителей – там и расположились, как в ложе.

Прозвенел третий звонок, в зале шум значительно стих. Вот-вот должен был открыться занавес. Как вдруг, чуть скрипнув, в боковую «ложу» балкона открылась дверь – и в дверном проёме нарисовался подбоченившийся, никому не известный невысокого роста гражданин в замусоленной кепке, чем-то напоминающий вождя пролетарской революции. Юркнув ловкой мышкой между сидящими рядом директором филармонии и хударуком, псевдо-Ленин вскрикнул тонким фальцетом, коверкая букву «р», вернее, заменяя её на «г»: «Так, товагищи, я доселе молчал, но тепегеча скажу!..» – и тотчас быстро подвинулся к обтянутому красным бархатом парапету, приподнялся на цыпочках, вытянулся всем своим тщедушным торсом вперёд и, поленински выкинув руку в сторону притихшего в ожидании открытия занавеса зала, закричал с хрипотцой в голосе:

«Товагищи, геволюция отменяется!.. Пгоститутка Кегенский угнал бгоневик!»

Доселе ожидающий начала концерта зал стал на мгновение ещё тише, но через секунду взорвался неудержимом хохотом. Публика, топя ногами, неистовствовала, многие повскакивали с мест в желании разглядеть того, кто кричал. Из глубины зала раздались разного характера, осуждающие и, наоборот, подбадривающие возгласы. «Прекратите безобразничать!» – кричали возмущённые, наверное, близкие к городской власти товарищи. «Давай, Ленин, шпарь, что ещё?!» – весело подбадривала противоположная несознательная сторона. Но новоявленный Ленин не успел больше произнести ни слова.

Не прошло и двух минут, как к мужичку в кепке, предварительно наступив на ногу взвизгнувшей жене директора филармонии, подскочили двое в штатском, отработанным приёмом заломили руки за спину и, приподняв, не вывели за шиворот, а буквально как короля, драгоценную статую или прославленного героя, вынесли вначале в коридор, а потом по чёрной лестнице через служебный вход в оперативно подогнанную к самому крыльцу дежурную милицейскую машину.

Этот исторический факт рассказал Юре его хороший знакомый Иван Васильевич Ефремов, что в те годы был молодым, учился в дневном техникуме, а по вечерам подрабатывал осветителем в этой самой филармонии. И знаете, кого он узнал в псевдо-товарище Ленине? Михея. Михей постарше его был лет на десять и чудить тогда любил – хлебом не корми. Такое порой отчебучит – хоть стой, хоть падай от смеха! Вот и отчебучил в тот раз 15 суток медвытрезвителя, хотя выпивши был малость.

Но сколько Юра дядьку Михея ни расспрашивал – тот точно напрочь забыл этот случай или притворился непомнящим. Шутка ли дело – мог за ту выходку запросто и реально большой срок схлопотать. Но времена были застольные, весёлые, Райкина и других юмористов не меньше чем космонавтов любили. . . Приняли происшествие за обыкновенное мелкое хулиганство. Оно и понятно. Мужик просто разобиделся, что билета на кумиров советской молодёжи не достал. Он же ради этого дела даже галстук новый нацепил – бордовый, в мелкую крапинку. И тут такой облом! Вот и не выдержал, с досады решил неизвестно кому отомстить. Особенно билетёрам, что в зал не пропускали. Дверь в боковой балкон оказалась не охраняемой – он и нырнул в неё. А ленинские слова уж сами собой изо рта, как шарикоподшипники, покатались. К тому же и ростом, и видом своим чем-то напоминал Ленина, что загримированным под рабочего Петрова в Разливе революцию замышлял повернуть. А мужичок за Ленина вроде как отменил. Однако, прежде чем выпустить, отсидевшего все 15 суток дядьку крепко поругали, страсти нагнали и посмеялись заодно. На том история с отменой революции и закончилась.

Но Михей так-таки и не признал сей антиреволюционный выпад за деяние своей молодости.

Да и вообще, сам Михей не против небольшой пролетарской или какой другой революции, но чтобы обязательно созидательной, улучшающей жизнь исключительно трудовому народу и лично ему, Михею. Для этого он не то чтобы вождём готов стать – но отборного мата в сторону заевшихся чиновников-бюрократов и небожителей-олигархов не пожалует!

Как дядька Михай с племянником за водкой ходил

Известный Красноярский алконавт и бабник, которого в определённых кругах Кырска зовут не иначе как дядька Михай, любил похвастать количеством баб-с, с кем имел самое близкое постельное знакомство.

Шли мы с ним как-то в северо-западном районе, по-над Енисеем, смутно темнеющем под вечерним осенним небом. Шли, шурша опавшей листвой, слегка покачиваясь, так как оба были выпимши. И по дороге дядька Михай рассказывал мне очередную байку о своей победе над какой-нибудь известной в краевом центре представительницей слабого женского пола. Что из его баек было правдой, а что вымыслом, сказать трудно, а проверить ещё трудней. Но надо дать ему должное – рассказывать красиво и убедительно он умел. И вот, идя по листьям в сгущающихся сумерках, мы заметили впереди одинокий киоск. В таких небольших киосках обычно продают пиво, сигареты, презервативы и прочую мелочёвку.

– Стоп! – говорит дядька Михай, щас, братишка, я с Нинком договорюсь на пару бутылок для опохмелки. Я Нинка знаю – безотказная баба. Это я её в этот супершоп пристроил работать. По бутылке на брата не откажет.

– Да ты что, говорю, Михай, – пивом водку мешать. Этак нас ведь совсем развезёт.

– А кто сказал, что я у Нинки пиво возьму? Я у неё водку и возьму!.. Ну, ты, паря, даёшь – пиво!.. От пива сикать будешь криво!.. Берём водку в счёт будущей постели... Хочешь Нинку в постели голой увидеть? Я и с этим договорюсь!.. Что головой машешь?! Ну, как хочешь. А водочки щас возьмём.

Подшли мы с дядькой Михеем к киоску. Народу рядом – ни души.

Я скромно отошёл чуть в сторонку, а дядька – сразу к окошечку.

– Здоровеньки булы, дивчина!.. – начал он почему-то по-украински, хотя хохлом не был.

– Здравствуйте, дядя Миша! – послышался тонкий девичий голосок.

– Что скажешь, кареглазая, дяде Мише – как идёт торговля?..

– Нормально, дядя Миша. А вам, наверно, как всегда, бутылку водки, под запись?..

– Можно и две, красавица.

– А не много ли вам будет, дядя Миша? Всё-таки вы и так уже нетрезвы.

– Так я не только себе, я вон с другом – Юркой зовут. Хочешь, познакомлю?

– Зачем, дядя Миша, не надо... – замялся девичий голос.

– Юрка! – окликнул меня Михай. – Иди сюда, что ты там стал, как не свой, – Нинуля с тобой познакомиться хочет.

– Да не хочу я ни с кем знакомиться!.. – послышался несколько сердитый Нинин голос. – Как вам только не стыдно, дядя Миша! Вот вам одна бутылка на двоих, больше не дам. Да и этого, наверное, много. Опять тётя Клава будет ругаться, когда пьяным домой придёте.

– Ну, ладно, дочка, спасибо тебе и на том. А Клавдии не говори – цить у меня, взрослых жизни учить да стыдить!

Буркнув напоследок в сторону, чтоб не слышала Нина, «Тоже мне добрая соседка!», он сунул бутылку за пазуху во внутренний карман своей старенькой потёртой кожаной куртки.

И пока устанавливал её там поаккуратнее, неподалёку от киоска затормозил дорогой, чёрного цвета джип «Ландкрузер». Из иномарки вышли четыре здоровенных широкоплечих мужика. Двое направились к киоску, а другие двое остались у машины. Один из подходящих к ларьку, здоровый такой шкаф, достал пистолет и прошёл мимо Михея к открытому окошечку киоска. И так шуплый с виду дядька Михай совсем затерялся на огромном фоне человека-шкафа.

Шкаф держал пистолет на вытянутой руке и только собрался сунуть его в освещённое окошечко киоска, как Михай повернулся к нему и заплетающимся языком спросил:

– М-м-молодой человек, огоньку не найдётся?..

Шкаф, опешив от неожиданности, сунул пистолет под мышку и стал шарить у себя по карманам, бормоча:

– Сейчас, дядя, есть где-то...

Наконец шкаф достал зажигалку и зажгёт. Дядька Михей прикурил от огонька, мельком скосив глаз, заглянул в окошечко киоска.

Пока растерявшийся шкаф шарил у себя по карманам в поисках зажигалки, молодая киоскёрша Нина, хотя и была сильно напугана, но быстренько сообразила, что ей надо делать. А проще говоря, прихватив сумку с выручкой, она сбежала в направлении кустов, за которыми угадывалась оживлённая трасса шоссе. Где, может быть, если повезёт, могла проезжать патрульная машина милиции.

Убедившись, что в киоске уже никого нет, Михей вдруг поворачивается к шкафу и говорит:

– А я видел, молодой человек, у в-вас пистолетик имеется...

Амбал, похоже, очухался и, вытянув пистолет из-под мышки, направил его дуло прямо в лицо дядьки Михея.

Угрожающе придвинулся ближе и второй детина.

У меня же от бесшабашной смелости Михея даже внутри похолодело! Ну, думаю, тут нас обоих в один миг и положат у киоска. Сначала Михея, потом меня или сразу обоих. Жаль, водку не выпили – пьяным всё ж таки не так страшно умирать!

И что, вы думаете, сделал Михей? Он мягко, одним пальцем отвёл в сторону дуло пушки и говорит, кивая в мою сторону:

– У моего друга тоже пистоль есть, только чуть побольше в-вашего. Он как раз вас, ребятки, на мушке держит. Вы не смотрите, что у него одна рука в кармане, а другая вроде как пустая. Он через карман прямо мухе в глаз попадает!.. А из тех кустиков, м-между прочим, ещё пять стволов на вас смотрят – неужели н-не чуете?!

В это время со стороны шоссе раздалась сирена милицейской машины. Видимо, Нине всё-таки повезло, и она остановила патрульный автомобиль и сообщила милиции о бандитском нападении.

– Оставьте его! – крикнул кто-то из членов банды, наверное, главарь, двум молодчикам у киоска. – Лом, это же Михей, от него всего можно ждать – ну его! Сматываемся отсюда!..

Шкаф молча сунул пистолет в боковой карман, но, видимо, с испугу промахнулся, и пистолет упал в тень у бордюра. Шкаф на это даже не обратил внимания и, испуганный, побежал к джипу. Тут же к машине рванул и второй. Бандиты-налётчики мигом заскочили в свой чёрный «Ландкрузер», и машина, рванув с места, быстро скрылась в темноте надвигающейся ночи. Точно и не было её вовсе.

Дядька Михей нагнулся и поднял пистолет.

– Ты посмотри-ка, совсем новенький, пестик-то. И, должно быть, патроны есть, может, один уже в стволе? Нужно его выстрелить, я так полагаю...

Дядька Михей поднял пистолет вверх и нажал на курок!.. Но выстрела не последовало. Зато на месте бойка появился небольшой голубоватый огонёк.

– Тьфу ты!.. – обрадовано удивился Михей. – Надо же, газовая зажигалка!.. Вот чем они хотели Нинка пугануть, да сами же чего-то испугались. Чего, интересно, или кого, а? Как ты, Юрка, думаешь?

– Наверное, вас, дядя Михей, кого же больше! – улыбаясь, ответил Юрий, рассматривая пистолет-зажигалку.

– А что меня бояться, я не кусаюсь! – пожал плечами Михей. – Но всё равно, за игрушку ребяткам спасибочки!.. – Михей ещё раз нажал на курок пистолета-зажигалки и прикурил от огонька.

Как дядька Михей в женскую баню ходил

– Здорово, Юрка, присаживайся, гостем будешь! – приветствовал Михей зашедшего к нему на минутку племяша.

– Да некогда мне, дядя Михей, в баню с друзьями собрался.

– В баню?! – оживился Михей. – И, небось, пива с собой прихватил?!

– Да есть немного... – замялся Юрка, не без основания полагая, что дядя Михей начнёт его уламывать остаться.

– Пиво – это хорошо! – осклабился железными зубами Михей. – Без пива бани не бывает. Это тогда и не баня вовсе, а так, мочилочка какая-то.

Ну, а ко мне зачем забежал?..

– Так это...

– Да ты не тяни, выкладывай – чего надо?

– Занять хочу на неделю, сколько не жалко.

– Смотри-ка, сколько не жалко!.. – Михей, усмехнувшись, почесал выбивающуюся из-под майки-тельняшки лохматую седую волосню. Мне, паря, может быть, ваще ничего не жалко для хорошего дела!.. Небось с девками решил гульнуть, а только на пиво и хватило!..

– Угадал, дядя Михей, – с ними! – согласился Юрка.

В это время из кухни вышла тётя Клава, жена Михея. Вытирая о фартук только что вымытые под умывальником руки, поздоровалась:

– Здравствуй, Юра. Каким ветром занесло?

– Здравствуйте, тётя Клава, хочу у вас немножко занять.

– Слышала, слышала... Что ж, дело молодое! – И, ни слова больше не говоря, прошла в соседнюю комнату.

Михей, приняв сие за молчаливое согласие, вопросительно покосился на пакет с пивом, стоящий рядом с Юрой на табурете.

– Ну, на одну-то косматую дать могу, а на гарем – это ты в Арабских Эмиратах, у какого-нибудь эмира или шаха займи.

– Да мне сильно много и не надо, хотя бы рублей триста...

– Триста и на одну косматую не хватит – вот тебе пятихатка!.. – И дядька Михей протянул было пятисотовую купюру племяшу, но тут же отдернул руку назад.

– Бабки-то, Юрок, я тебе дам, не жалко, но с одним уговором – пиво мне оставь! А ты там, в бане, что-либо покрепче возьмёшь – девки-то в основном вино любят.

– Ладно, дядя Михей, – нехотя согласился Юрка и протянул Михею пакет, плотно забитый пластиковыми двухлитровыми бутылками пива марки «Купеческое».

– Вот это обмен! – обрадовался Михей, ловко сграбастал пакет и отдал пятисотку Юрке. – Держи, дон Жуан, и помни дядькину доброту!

– Спасибо, дядя Михей, не забуду!

Юрка сунул деньги в кармашек джинсовой рубахи и направился к выходу.

– Постой! – окликнул его Михей. – Так куда, ты говоришь, идёшь?

Юрка с недоумением обернулся.

– Так в баню, я же вам говорил...

– А в какую баню? – не унимался Михей.

– Да вы её знаете – в соседнем квартале которая.

– А?! – многозначительно протянул Михей. – Ну, иди-иди! Там как раз женский день помывки – баб много моется!..

– Как женский день?! – остановился, как вкопанный Юрка. – Там же номера отдельные есть.

– Да есть, только для семейных пар! – опять ослабил железные зубы Михей. – Я-то подумал – вы компашкой в садовый кооператив собрались – в баньку по-чёрному, а может, и по-белому. Далековато отсюда добираться, понимаю, но природа и то-сё... Романтика из штанов так и прёт!.. А вы вон куда – в городскую централку! Только вас там и ждали! Да туда, Юрок, за месяц записываться надо, и то не попадёшь!..

– Ё-моё!.. Это что, правда? – спросил Юра вышедшую из соседней комнаты тётю Клаву.

– Откуда ж я знаю, Юрик? – пожала полными плечами тётя Клава. – Я давно по таким баням не хожу, всё больше в ванне моюсь. А приспичит попариться, так мы с моим Миклухой Ивановичем в сад свой ездим, в собственную баньку возле домика.

– А я что говорю!.. Вот куда вам надо!..

– Так это ж за город ехать нужно... – почесал затылок Юрка.

– Почеши, почеши затылочек, племянничек, а я пока выйду, к магазину схожу, молока деревенского из цистерны куплю. Деревенское молоко всё лучше, чем магазинное, из порошка сделанное. Нам молочко совхоз «Берёзовский» доставляет, – проговорила тётя Клава на прощание и пошла за молоком. В то же мгновение в кармане Юрки заиграла мелодия «Прощание славянки». Парень проводил тётю Клаву глазами и потянулся в карман за мобильником – приложил сотовый телефон к уху:

– Да, привет! Что случилось? Значит, уикенд отменяется. Знаю, что все места забронированы, тут меня уже проинформировали... Жаль! Обидно, досадно, да ладно! Есть другой вариант – поедем на выходные за город, в садовый кооператив, в бревенчатую баньку, берёзовыми вениками париться, согласны? Ну тогда окей, до встречи, пока!

– Ну вот, дядя Михей! – обернулся Юрка. – Спасибо, что надоумил и про баньку в вашем саду рассказал – туда мы и двинем в выходные с подружками!

– И сколько вас?

– Нас? Да немного: я, Кум, Лысый и три наши подружки – если не возражаешь, конечно. Порядок и стерильность гарантирую. Всё приберём, – заверил дядю Михея Юрка и протянул ему только что занятую пятисотку. – Спасибо за деньги.

– Что так? – насторожился Михей, отстраняя от себя денежку. – Никак пиво назад забрать решил?!

– Да нет, что вы! – рассмеялся Юрка. – Пейте на здоровье!.. Я это к тому, что у вас в домике закуски хватает. В погребе и картошка, и соленья разные...

– Ага, смышлённый парень и экономный, – нахмурился Михей, – всё-то рассчитал – можно на закуску не тратиться. А на выпивку, значит, у вас, пердюков, найдётся.

– Извините, дядя Михей, если этим обидел, – перестав улыбаться, проговорил смущённо Юра.

– Я не барышня кисейная, чтобы на такую ерунду обижаться. Ключ от домика в прихожей на гвоздике висит – увидишь. В домике же ключ от баньки найдёшь, а крышка в погреб без замка, край доски только аккуратно поддевай, чтоб пол не повредить. Деньги эти возьми себе. Дядька Михей то, что по доброте моряцкой души дал, назад не берёт – потом, когда своих много будет, отдашь, – отстранил бумажную купюру Михей, – вы мне, главное, домик и баньку не спалите, гуляки! – и, вздохнув, покосился на пиво. – Так, может, того, раз с баней не получилось, по кружке пива, а, Юрок?.. А то бывшему расейскому моряку пить одному западло.

– По кружке – так по кружке, не понесу же это домой, – вынужденно согласился Юрка, поскольку готов был уже смотаться подальше от конфуза.

– Вот это правильно!.. Вот это по-нашенски! – обрадовался Михей, разливая по двум большим керамическим кружкам золотистое пиво. – Не терять же понапрасну время.

Выпили по кружке, закусили, за неимением воблы, нарезанной в кружочки кровяной колбаской и разговорились. Вернее, разговорился и так любивший выпить и поговорить за компанию дядька Михей:

– Вот ты, Юрка, испугался в женский день в баню идти. Правильно побоялся, не дай бог туда неопытному парню, как ты, попасть – зашибить могут! Хотя, с другой стороны, оно, конечно, интересно поглядеть на множество разных голых баб: тут тебе и старухи с отвисшими высохшими грудями, и молодухи в соку, и соплячки малые.

Но кто ж тебя и таких, как ты, туда запустит?! Правильно – нельзя! Запретно!..

Бывали ситуации, когда случайно мужик попадал в женское отделение, так там такой визг поднимался и так, бывало, тому мужику по голове да по бокам доставалось кулаками, венниками, а то и жестяными помывочными тазами, что и в кошмарном сне не всегда увидишь.

А вот я раз в женскую баню попал, и ничего-то голозадые мне не сделали.

– Как это? – поинтересовался Юрка, потягивая золотистую жидкость из коричневой керамической кружки.

– А вот слушай.

Работал я в середине пятидесятых в строительной бригаде по ремонту домов в одном лесном посёлке. Дома в том посёлке, где я жил, были в основном из бруса, деревянные, реже шлакоблочные. Бригада наша занималась заменой подгнивших полов, вставкой стёкол, ремонтом кровли, да и по сантехнике приходилось многое менять, ремонтировать...

В общем, работы хватало.

Была тогда в нашем посёлке баня – единственное кирпичное здание.

Она и теперь стоит на окраине уже не простого посёлка, а города, ставшего районным центром.

Два единственных окошечка у той бани, где парилка расположена, низко над землёй находились, и хоть не большенькие те окошки, но были замазаны изнутри масляной краской, чтобы разное озабоченное дурачье не подглядывало. А дурачья, как и теперь, тогда хватало. Сколько раз пацаны и оболтусы побольше, чтобы за голыми девками да бабами подглядывать и пугать их, стекло в этих двух окошечках разбивали!

Много от женщин было по этому случаю жалоб.

В конце концов поселковое начальство не выдержало – и приказало начальству поменьше те окошечки, что низко к земле расположены, заделать. А вместо них пробить другие повыше, у самого потолка, чтобы только встав на ходули заглянуть можно было, и камнем попасть нельзя, из-за присутствия в окнах дополнительных прочных решёток. Одним словом – не баня, а тюрьма! Зато женскому полу мыться спокойно.

И хотя в тот день в бане мылись одни женщины, начальством было решено – раз уж женская, лучшая половина общественности, так яро настроена на скорейшее наведение банного порядка, – работу по переоборудованию бани не откладывать. Всю бригаду на это, прямо скажу, опасное дело посылать побоялись. Слишком большие потери в личном составе никто бы вверху не одобрил. Решили послать одного рабочего. Но кто же добровольно пойдёт? Смельчаков идти в самое пекло не оказалось. Тогда жребий разыграли на спичках. И жребий выпал на меня. Не сказать, чтобы я сильно испугался, но, однако, как стальная пружина, весь так и сжался внутри.

– Ты, Юрка, слушай да подливай! – отвлёкся на секунду от своего рассказа Михей и продолжил. – Мужики ради такого дела, для храбрости, мне стакан водки налили, точно фронтные 150 грамм выдали.

Выпил я водку залпом, поплевал через плечо, взял с собой небольшую кувалдочку и ведро с раствором, а кирпичи мне мужики должны были с улицы в разбитые окошечки подать.

Взял я, значит, свой инвентарь, мужики двери в женское отделение передо мной потихоньку открыли – и в сторону. Входи, мол!.. И я вошёл!..

Странно, Юрка, – но ни крика, ни женского визга я не услышал. Да и женщин самих почти не видел – шёл, как в тумане. Но бодро шёл, деловито, как и положено рабочему человеку в заляпанной раствором спецовке и занятому очень важным производственным делом.

Бабы, видимо, меня из-за такого моего поведения за мужика и не приняли. Наверно, так же в больнице женщины-пациентки раздеваются донага перед врачом-мужчиной, не замечая в нём представителя противоположного пола, а видя только медицинского работника. Прошёл я через весь помывочный зал, слышу только гул небольшой да как тазы немного гремят, и больше ничего. Прошёл в парилку. Там пар, конечно, стоит.

Женщины, что парились здесь на деревянных полках, и те, что спустились вниз к дверям, чтобы отдышаться, почтительно уступили мне дорогу и, прихватив веники, вышли. Хотя я им ничего не говорил.

Ребята мне подали кирпичи, я заделал ими окошки, что внизу, замазал аккуратно, чин чинарём, потом с кувалдочкой на полки парилки полез, благо стена близко. Тут уж, наверху, мне стало действительно жарко!.. Горячий пар-то не убавился, а точно стал ещё горячее и гуще!..

Насилу пробил я два окошка вверху – хоть воздух запустил – и взмолился, крича наружу: «Не могу больше, сварюсь!..»

Начальство сжалилось и решило оставшуюся работу провести позже, когда будет мужской день. А меня поблагодарили и отпустили домой. Вытолкал я кувалду и пустое ведро через пробитую брешь на улицу. И хотя теперь надо было пройти, пускай и обратный, но прежний путь, назад я, можно сказать не шёл, а летел!.. Вот так вот, Юрка, я в женский день в бане среди голых баб побывал!

В прихожей слышался стук открываемой двери, в комнату с бидоном, полным молока, вошла Клавдия.

Как дядька Михей к покойникам в гости ходил и одного ребра лишился

Разболелся как-то зимой дядька Михей не на шутку, за бок держится, стонет. Вызвала Клавдия, жинка его, «Скорую помощь» – авось спасут ещё не совсем старого мужа, рано ему умирать. Кто в мае картошку будет сажать? Да и вообще по хозяйству Михей справный мужик – Клавдии одной без него не справиться.

Приехала машина «Скорой помощи», вышла из неё молоденькая да фигуристая врачиха, направилась в квартиру, сняла в прихожей шикарную норковую шубку и подошла к Михею в белом накрахмаленном халатике, точно ангелиха за его, Михея, душой с неба спустилась. Стала ангелиха осматривать больного – то так наклонится к мужику, то этак – прелести свои женские показывает.

Не удержался от соблазна Михей и ухватил всей пятернёй врачиху ту, ангелоподобную, за упругий зад. Хорошо ещё Клавдия не видела – на кухню за стаканом воды вышла. Отскочила врачиха от Михея, как ужаленная. А тут и Клавдия из кухни вышла. Врачиха ей и выпалила: я, говорит, более здорового и прыткого на руки мужчину в жизни не видела.

Наверное, адресом ошиблась и не туда попала!..

– Как это ошиблась? – удивляется в свой черёд Клавдия. – У него же бок какой день болит – ночью спать не даёт, так и ворочается, ворочается, стонет, бедняжка!

Клавдия вытерла кончиком передника выбежавшую из глаз слезу и поставила стакан с водой на стол.

– То, что ночью спать вам не даёт, в это верю – бойкий он у вас, хотя и малость ущербный.

– Как это ущербный?! – непонимающе уставилась Клавдия сначала на врачиху, потом на Михея. – Что у тебя ущербное, ирод? А ну показывай!

– Вы зря на него кричите и зря волнуетесь так! – защитила Михея врачиха и пояснила. – Как мужчина, он у вас очень даже, как бы сказать, цельный, что ли, даже, по-моему, чересчур, но одного ребра в боку у него всё ж таки нет. И тут медицина бессильна. Не научились мы ещё отсутствующие рёбра выращивать.

– Как отсутствующие? Как это ребра нет? – недоумевающее хлопая глазами, спросила непонятно кого Клавдия.

– Ну, нет и нет, подумаешь... – пробормотал, не глядя на Клавдию, Михей и отвернулся к стене.

– Ты куда это отвернулся, а ну повернись ко мне и докладывай, как на духу, – что в твоём заячем организме не хватает? Всё время хватало, а тут на тебе. И ведь молчал, ирод, ничего не говорил, всю жизнь от меня, родной своей жены, скрывал. Не я ли тебя кормила, не я ли тебя поила-а-а... – перешла на бабье причитание с хныканьем Клавдия.

– Ну, сломали, выбили мне по молодости одно ребро, и что с того?! – буркнул, по-прежнему не глядя на Клавдию, Михей. – До сих пор жил без одного ребра и ещё поживу, не умру.

– Правильно! – поддержала врачиха дядю Михея. – Умереть мы вам не дадим. А то, что у вас место перелома заболело, так это реакция на перемену погоды – метель на улице, вот и ломит. Рекомендую успокаивающий компресс к больному месту прикладывать! Я вам сейчас его состав напишу, у вас ручка есть? – повернулась она к Клавдии.

– Да-да, сейчас... – Клавдия подала ручку, врачиха написала рецепт и пошла к дверям. Одеваясь в прихожей, она обернулась на приподнявшегося в кровати Михея. – До свидания! И берегите руки, а то они у вас такие неосторожные, не ровён час, кто-нибудь их за излишнюю прыть поломает!

– С чего это он руки будет ломать?! – запротестовала Клавдия, не понимая, о чём идёт речь. – Мне безрукий мужик не нужен! Ишь чего надумал – руки ломать!..

– Правильно, женщина, берегите мужа, – поддержала тётю Клаву врачаха и обернулась к Михею. – Ну и вы тоже, как больной, поберегите здоровье, а если совсем не терпится, успокоительное примите! – добавила строго врачаха и потянула ручку двери.

– Я ему, сестричка, уже анальгину дала! – крикнула вслед Клавдия.

На что фигуристая представительница медицины только снисходительно улыбнулась и открыла входную дверь.

В это время в гости к дяде Михею и тёте Клаве зашёл их двадцатилетний племянник Юрий. Юра уступил дорогу выходящей молодой врачахе, моментально изучив и прощупав все её выдающиеся места глазами, повесил финскую куртку на штырь вешалки, поправил волосы и вошёл в комнату.

– Здравствуйте, тётя Клава, здравствуй, дядя Михей, – поздоровался он и спросил:

– А по какому случаю «Скорая помощь» приезжала? Кому здесь плохо?

– Здравствуй, здравствуй, Юрочка, – обрадовалась приходу племянника тётя Клава и с ходу ответила на заданный Юрой вопрос:

– Да вот, Михей мой в последнее время расхворался, за бок держится... Ребра одного у него, видишь ли, нет. А я и не знала. Молчал ведь, ирод, всю жизнь молчал, точно я ему чужая какая, точно и нет меня вовсе, – вновь чисто по бабьей привычке или по природному инстинкту, свойственному почти всем женщинам, запричитала тётя Клава.

– Цить ты, курица! – рассердился молчавший до сих пор Михей. – Раскудахталась, точно на пустом месте, где ребро должно быть, свет клином сошёл! А того не знаешь, что первая женщина, которую Бог Создатель наш Евой назвал, из лишнего ребра мужа её, Адама, сделана.

– Полюбуйся на него, Юра! У него в боку, можно сказать, целое ЧП происходит, а он библейские сказки рассказывает, курицей меня, петух оципаный, обзывает – пошутить ироду вздумалось надо мной!.. Я тебе пошучу!.. – насупила сердитые брови Клавдия.

– Какие могут быть шутки, Клавушка? – ослабил свои броневые зубы Михей. – Если так в святом писании чёрным по белому написано: «Все женщины из ребра первочеловека Адама произошли!». А ты, Клава, лично из моего ребра сделана.

– Ты ври ври да не завирайся! – отмахнулась, как от назойливой мухи, Клавдия. – Сам же сказал, что по молодости ребра лишился. Вот и расскажи всю правду, как это случилось. Пусть и племянник твой Юра послушает, да на ус наматывает, чтобы потом, как ты, ребра не терять.

– Ладно, расскажу. Никому не рассказывал, а вам поведаю.

Начал свой рассказ о потере ребра дядя Михей так:

– Родился я, да будет вам известно, под городом Одесса в одном небольшом посёлке, или, на еврейском жаргоне, в местечке. По папке полурусский-полухохол, а по мамке не поймёшь кто – сын многих народов, в общем. Дорос до определённого возраста и поступил в мореходное училище, что тогда в Одессе находилось. Захотелось моряком дальнего плавания стать – неизведанные заморские страны посмотреть.

Обычно из посёлка в Одессу один раз в день старенький курносый автобус ходил, «Таджик» назывался. Утром в город, а вечером назад – в посёлок. И вот как-то вечером опоздал я на свой автобус. И решил идти до посёлка пешком. Южные ночи, хотя и прохладные, но всё-таки это не Сибирь. Да и лето в разгаре. Дорогу я знал хорошо, уже не раз этот путь проделывал. Засунул тетради с конспектами за пояс и пошёл.

Шёл-шёл, вот уж и посёлок недалеко – огоньки крайних хат видно. Осталось только через поселковое кладбище перейти. Но что мне кладбище! Покойников я отродясь не боялся и в разные страшилки о привидениях, поднимающихся ночью из могил, не верил.

Смотрю, луна за малую тучку закатилась. Потемнело. Дождик закрапал. Прошёл ещё немного – и провалился в свежую, вырытую недавно могилу!..

– Ах-ах-ах! – заахала сочувственно Клавдия, прижав руки к груди.

– И что же дальше? – заинтригованно спросил Юра.

– А дальше я стал ругаться! И, наругавшись как следует, попытался вылезти из ямы, но не тут-то было – после дождика отвесные глиняные стены скользкие, я несколько раз оборвался. Но так и не смог выбраться, только устал от тщетных попыток и вдобавок извазюкался в сырой глине страшно. Стал кричать:

– Люди добрые, есть кто-нибудь? Помогите – вытащите меня отсюда! Но кто ж ночью на пустом кладбище услышит... В посёлке люди спят, а покойникам тем паче до меня дела нет.

Дождался я кое-как утра, закоченел – зуб на зуб не попадает.

Рассвело. Вверху солнышко светит, птички поют. А у меня на дне могилы – как в холодильнике. И хотя отвесные стены ямы обсохли, я, видимо, за ночь так ослаб, что, как ни пытался, выбраться на свет так и не смог.

В посёлке трети петухи прокукарекали. Соседний кирпичный заводик призывный гудок подал. И слышу я – идёт вроде бы через кладбище к тому заводу рабочая смена. Обрадовался, закричал из могилы:

– Люди, я здесь, помогите!..

Прокричал так несколько раз, прислушался – да только топот убегающих ног расслышал. Испугались, значит, моего крика из могилы работяги-кирпичники и дёру дали! Расстроился я от этого окончательно; что делать, не знаю.

И тут слышу – оркестр похоронный марш играет, и люди вроде бы к могилке идут. Обрадовался я, смекаю: это, наверное, истинного хозяина могилы несут хоронить. Сижу в яме тихо, молчу – чтобы народ не перепугать преждевременно. Сейчас, думаю, речи прощальные начнут говорить – с моим покойником прощаться, тут я себя и выдам.

И только я собрался известить людишек, собравшихся вверху, о своём присутствии в могиле – как, гляжу, они без всяких церемоний гроб на меня сверху спускают.

– Ах-ах-ах! – опять заахала, уже испуганно, Клавдия, расширив от ужаса глаза и нервно теребя передник.

На что Юрка только мысленно усмехнулся и уставился на дядю Михея – что дальше?

– Я, конечно, орать, – продолжил свой рассказ Михей. – Вы что делаете, изверги?! Це ж я здесь, Михей!.. – Но лучше бы не кричал.

– Что так?

– Так они ж со страху тут же верёвки бросили.

Гроб сверху и рухнул на меня!..

– Ай! – вскрикнула Клавдия и в изнеможении села рядом с Михеем на кровать. – Бедненький!..

– Вместо того чтобы впустую ахать, ты бы, мать, мне лучше стопочку налила – всё, может, меньше станет болеть.

– Сейчас, сейчас, сердечный, налью, – засуетилась Клавдия и, сбегав на кухню, принесла Михею и племяннику Юрию по полной кружке горячего киселя.

– Вот я так и думал, что не то принесёшь, – смиренно вздохнул Михей и отхлебнул из кружки.

– А могла бы, в помин моего ребра, что-либо и покрепче принести.

– Будет, будет и покрепче – компресс тебе на ночь поставлю, – ласково улыбнулась тётя Клава. И, развернувшись, степенно отбыла в своё кухонное царство.

Как дядька Михей вставную челюсть проглотил

Утрата

Юрий в то время в Красноярском строительном институте учился, когда дядька Михей запил. Да не просто так на день другой, а надолго. Известный алконавт Михей и раньше попи-вал, но чтобы так сорваться перед своим шестидесятилетним юбилеем – это было впервые. Сорвался же он неспроста, а от великой потери и наступившей депрессии внутренних чувств, каких у него до пьянки было в избытке. По этой причине перестал племянник Юра ночевать после учёбы в доме Михея и тёти Клавы.

Свински пьяный Михей достал своим нытьём и капризами даже его долготерпеливую жену Клавдию. Она было хотела бросить его и уехать к своей младшей сестре Татьяне в деревню, где та работала учительшей. Но каждый раз её что-то удерживало. Видать, так привыкла или всё ещё любила своего свихнувшегося на почве пьянки, непутёвого муженька. Сие было загадкой.

Что же за утрата такая постигла Михея? Рассказать – не поверите! И смешно, и глупо, и неудобно...

Короче, как-то возвратившись с рыбалки, естественно, поддатеньким, Михей завалился, как есть, не раздеваясь, в кровать.

И захрапел на всю малиновскую!

Пришлось Клавдии, ворча и в сердцах ругаясь, стягивать сапоги с ног наклюкавшегося горе-рыбака, а заодно и куртку рыбацкую снять, – чтобы белоснежный пододеяльник в мелкий цветочек, ирод, не испачкал.

Проспался Михей опять человеком и захотел есть. Пряча виноватые глаза, приласкался он к мягкому боку жены, та и сердцем обмякла (много ли глупой да доброй бабе надо). Накрыла Клавдия стол: «Ладно тебе телячиться, нашёл время. Ночью надо было. Садись уж, обедничать с тобой будем!»

Сел за стол Михей, ложку взял и только это, значит, её в тарелку с борщом наметил опустить, да тут и спохватился: съёмной, недавно поставленной в дорогой Красноярской зубопротезной клинике челюсти во рту его беззубом нет, исчезла! Уж не на рыбалке ли выронил изо рта, когда с приятелем на спор пробку из бутылки семьдесят второго портвейна зубами вытягивал? «Да нет, кажись, нет, хорошо помню – всегда при мне, то есть во рту зубки импортные были, ещё поплёвывал сквозь них. А теперь ни верхних тебе зубов, ни нижних... Ах! – вдруг пронзила его помутневшую головушку ужасная догадка. – Неужто во сне проглотил?!»

Ужас и страдания Михея

И похолодел Михей нутром, и страшно ему стало за свой ещё не совсем старый организм: что если проглоченная челюсть не выйдет куда положено всему съеденному выходить в переработанном виде, а пойдёт самостоятельно блуждать по его телу да органы его, Михея, откусывать?!

– Мать! – кричит он жене. – Куда челюсть мою дела? – в надежде, что это Клавдия челюсть вместе с сапогами сняла.

– Да не трогала я твоих зубов!.. – отнекивается Клавдия, а саму смех разбирает.

Кому смех, а Михею совсем наоборот – хоть плачь и караул кричи. Весь дом обыскали! Нигде нет!

– Да что же это такое творится?! Значит, выходит, и в самом деле во сне её, нержавеющей железяку с напылением под золотишко, я того...

И почувствовал Михай эту обнаглевшую и озверевшую челюсть в своём желудке. Каждое её движение он стал улавливать, каждый кровожадный укус остро и до крика души ощущать. И раздался его стон вперемешку с плачем: «Спасите, помогите, умираю!..»

Вызвали «Скорую». Приехала молодая врачиха, та самая, фигурная, что уже навевалась как-то в их дом. Прощупала фигурная врачиха живот домашнего пациента и ничего не нашла, никакой болезни не определила. «Надо, говорит, – на рентген везти – желудок просветить, если уж так настаиваете, но я у вас никакого постороннего предмета не прощупала, зря паникуете».

А Михай ей не верит, Михай страдает, мучается от предчувствия близкого летального исхода, своего, так сказать, скоропостижного конца.

Шоковая терапия

И увезли Михея на машине скорой неотложной медицинской помощи. Просветили его живот рентгеном, но никакой такой вставной челюсти среди недопереваренной пищи не обнаружили.

– Может, плохо смотрели? Или аппарат не работает?! – волнуется, беспокоясь за свою драгоценную жизнь, Михай, а врачи над ним смеются. «Пить, – говорят, – надо меньше!»

– Не уйду, япона мать, пока этого крокодила из меня не вынете! – взъерепенился Михай. – Требую полного обследования моего организма! Пусть меня профессор из Москвы посмотрит через японский глаз!.. У меня в столице связь имеется с самим министром здорового хранения!..

– Да поймите же вы, нет у вас там ничего!..

– Есть! – твёрдо, со знанием дела ответил, как отрезал, Михай и схватился за свой бок. – Вот, вот она, ползёт внутри к сердцу!..

На глазах изумлённых врачей Михай побледнел и, начав синеть, завалился на стоящий в кабинете диванчик.

– Ладно, успокойтесь, гражданин, сделаем мы вам эндоскопию, вот понюхайте-ка ватку с нашатырным спиртом...

Нюхать ватку, пропитанную спиртом, Михай согласился. Но запах ему не понравился. «Дурят, зубы заговаривают? – ворочалось в его мозгу. – Не выйдет! Делайте ваше энто, как его, «японо-глазо-видение»!

И сделали ведь, от греха подальше. Вдруг и в самом деле дядька с министром связан. Начальство по головкам не погладит, если с мужиком этим, не дай Бог, что случится. Слишком уж он убедительно синееет и от боли корчится!

Но и хваленый «Японский глаз», кроме повышенной кислотности, ничего железного, или иного твёрдого предмета, в желудке Михея не обнаружил.

И даже ФГС ничего не выявила. Для счастливчиков, которые не знают про это малоприятное вмешательство в человеческий организм, поясню – процедура, при которой в желудок через рот вводится зонд с камерой и исследуют на наличие язвы или ещё чего-либо нехорошего.

Зонд с камерой на конце пихают прямо в горло, а он пружинит и выпрыгивает наружу. Но Михай и эту штуковину, давась и хрипя, глотал. Слезы по щекам текли, но проглотил. Все ужасные муки преодолел, об одном страстно желая – лишь бы ранее проглоченную им нутроедную челюсть вынули! Куда деваться: жить захочешь – и не такое проглотить, тем более спасающее от проглоченного ранее смертельно опасного предмета.

Видя, что дядька, и эту неприятную процедуру стоически выдержав, упорно продолжает чувствовать что-то в своём нутре, эскулапы в белых халатах решили зайти с обратной стороны и сделали колоноскопию. Исследовали зондом толстую кишку через задний проход – может, там злополучная челюсть застряла?!

И с обратного конца ничего постороннего не обнаружили.

Вернулся Михей ни с чем домой и запил! Наивно полагая, что спиртное умилостивит зубастый протез, и тот не будет есть его смертным поедом изнутри, а только в промежутке между стопками водки изредка покусывать. В те дни трезвым Михея никто не видел.

Напьётся и кричит: «Костоломы, душегубы, а не врачи! Погибели моей желают!..»

Хорошо, что дело происходило летом. Вытолкала Клавдия пьяного дурня за двери: «Иди, протрезвись!»

А тот шёл, шёл и упал прямо в лужу.

Тут и племянничек Юрка из-за забора вышел. Решил всё ж таки проведать родственников.

Подходит Юра к калитке и слышит крик Михея со стороны поленницы, что у сарая: «Жена, поднимай! Поднимай, тебе говорю! Поднима-а-ай!..»

«Что поднимай?» – заинтересовался Юра и пошёл на крик. Может помощь какая нужна?

Зашёл Юра за поленницу, а там, в разлившейся после дождя луже, дядька Михей лежит и грозно по-командирски кричит своей жене Клавдии: «Поднимай!»

Помог Юра тёте Клаве поднять Михея из лужи. Поставили его на ноги и отвели бедолагу домой.

А в доме для Михея и всех окружающих неожиданное счастье приключилось. Нашлась так-таки челюсть-то, отыскалась. Её кот Васька лапкой из-за шторы выцарапал и забавлялся, как с мышкой.

А челюсть возьми да и захлопнись у кота на хвосте!.. Завопил Васька во весь кошачий голос: «Мяу!» – и к Михею! Тут обомлевший Михей и узнал свою дорогущую вставную челюсть!

Вот где, оказывается, она всё это время была – на Васькином хвосте!

Как челюсть на хвосте кота очутилась, Михей видел, но как она за портьеру попала – загадка. Теперь трудно определить; может, кот загнал, может, сам Михей, мотая пьяной головой, туда её отбросил.

Да и к чему теперь виноватых искать, коли праздник в доме!

Перестал после этого случая дядька Михей безмерно пить. Бывает, что и страх помогает лучше всякого лекаря. Лечение оное «шоковой терапией» называется.

Разнополюсные

Разговорились как-то мужики в курилке об инопланетянах, экстрасенсах, Кашпировском, Чумаке, Барабашке, Бадалыкской ведьме и прочей всякой чертовщине.

А Петро Шило – грузчик цеха окраски, – почёсывая рыжую бородку, возьми и скажи на полном серьёзе:

– А я, хлопцы, тоже экстрасенс, наверное!.. Руки у меня такие...

Я давно на свои способности внимание обратил – лет пять назад, как сад-огород завёл. Люблю в земельке покопаться. И земля ответно ко мне тянется. Вот, к примеру, прихожу я в свой сад-огород, руками чуть поведу – и ветки яблоньки, точно от радости встречи со мной, прямо в руках расцветают, поддержки я их подольше, так и плодоносить бы стали. Птицы на веточках на все голоса заливаются!.. снегири соловьями перекликаются, свиристели иволгами, вороны павлинами, а воробьи простые пытаются Алле Пугачёвой подражать, когда она о лете поёт!.. Хорошо так вокруг песни разливаются! Ананасы вас интересуют?.. А что? Можно и ананасы посадить – у меня и они выживут, ещё угощать вас буду!.. А главное, руки у меня такие!

Что лыбьтесь? Не верится?! Сам, говорите, заливаю!.. Ладно, лыбьтесь, лыбьтесь, нехай с вами, Фомы вы неверующие!..

Я не обижаюсь, потому что знаю: всё то, о чём гуторю, – истинная правда! Вы слушайте лучше дальше да на руки мои поглядывайте – простые, вроде бы, руки, рабочие, как и у вас... а я ими чудеса могу делать, какие вам и не снились!

Что ещё, помимо рук, спрашиваете? Правильный вопрос! Мне скрывать нечего. Поскольку, хлопцы, весь я перед вами, и вы можете даром меня рассмотреть, не жалко. Посмотрели, ничего не видите, нет? Значит, не дано вам этого видеть, не доросли до уровня виденья. Когда бы доросли, то сразу бы заметили, что, конечно же, и другие части моего тела не простые, а изотерические. Что гогочете? Да, снизу доверху я экстрасенс!

О той нижней части тела вам знать не положено, так как эта вещь – дороже государственного достояния!

Я вам о своём лице расскажу. Вот хотя бы моя борода.

Вы думаете – почему я свою бороду всё время поглаживаю да почёсываю? Нет, не для того, чтобы мелкие насекомые в неё лезли, а для того, чтобы гуще росла!.. Видите, какой пышной стала!.. Что рыжая?.. Ну да, рыжая!.. А отчего, не поняли? К солнцу тянется, неучи! А энергия рук ей расти и тянуться помогает! Вот так вот! – теперь уже и сам, довольный собственной шуткой, оскалился в улыбке Петро и продолжил рассказ:

– Другое дело – жинка моя.

Помнится, посадила она как-то по весне на нашем балконе, в ящике для рассады голландские тюльпаны, луковицы были крепкие, уже с ростками. И что же вы думаете? Почернели ростки, завяли и в землю попрятались – будто бы и не было их вовсе!

Я тогда три дня в отъезде был – приехал из командировки, подошёл к этому ящику, посмотрел, как рентгеновскими лучами – ну, думаю, дело швах, пропали наши тюльпанчики!.. Взял и просто так полил из чайника. И что же выходит?.. Верьте, не верьте – через час ростки зелёные из земли вылезли, через неделю бутоны раскрылись! А всё потому, что у меня руки такие!

– Го-го-го... – разнёсся взрыв смеха из курилки. – Го-го-го!..

– Ну ты и сочинять мастер! – выдал своё мнение заглянувший было в курилку вечно недовольный чем-то тучный в телемастер Смирнов и вышел.

– Михал Петрович, – крикнул ему вслед остроязычный Лёха Ящечкин, маляр с электроокраски, – он ещё о бороде и прочих частях тела расскажет!.. – И сразу к Петру: – Петро, а

что ты бородой в это время делал, когда из чайника окурок поливал, – наверно, вместо грабель использовал?

– Нет, вместо лопаты, – подправил кто-то.

– Го-го-го... – разнёсся новый взрыв хохота из курилки. – О-го-го – ох-ох!.. Ну, заливать!

На что Петро лишь хитро усмехнулся в свои рыжие усы и продолжил:

– Вот вам, мужики, смешно, а мне непонятно – почему у неё, у жинки моей, ничего не растёт? Ну, была бы Татьяна моя лентяйка или ведьма какая, а то женщина как женщина: добрая, работающая... Что говорите?

– Гарная! – добавил немногословный Игорь Карданов...

– Да, и гарная тоже! Откуда только знаете? Но благодарю за подсказку! В общем – не жинка, а подарок! В застойные времена постоянно ударницей комтруда была! В ГТО все значки завоевала! На парашюте с вышки прыгала! Скромная, верная – притом гарная исключительно для меня!.. Так что не обижаюсь, не за что пока. Вот только не терпят её животины разные. Загадка природы прямо!.. Зато её комарё и мошка не трогает – а меня гнус так и поедает живьём!

Стоит только от Татьяны отойти шагов на десять – так сразу с четырёх тысяч сторон весь гнус поганый на меня кидается!..

А на жинку мою, хоть бы хны, – во всю жизнь ни один комарик не сел! Как будто бы она, жена моя, для тварей этих не съедобная, а вот я, наоборот, – очень даже съедобный!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.